

Cella

Валерия
Шкондина

12+

Валерия Шкондина

Cella

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шкондина В. С.

Cella / В. С. Шкондина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Всю жизнь Перси знал, кого ненавидеть. Каждый месяц они устраивают Раздачу – и каждый месяц люди вынуждены драться, лишь бы получить немного еды... Ненавидеть роботов-полицейских, ненавидеть те пыль и навязчивый запах рыбы, от которых Перси не спастись. Ненавидеть место, куда люди сбежали от земных проблем в безопасность и покой. Ненавидеть станцию Cella.

Содержание

1	5
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

1

Всё вокруг подёрнуто дымкой; темно, пахнет лекарствами. Всё мелькает, как в калейдоскопе: комната, спящая в соседней кровати девочка, женщина, её длинные волосы и доброе лицо, а за окном – Земля.

– Богатый и бедный короли... – она что-то рассказывает, но мальчик не слышит, мальчик смотрит на неё, но всё пронесётся мимо, как будто события унёс ветер; он зевает, женщина кашляет, не может остановиться, она то отдаляется, то приближается, то вовсе исчезает, но кашель никуда не пропадает, и мальчик плачет...

– Помогите! Папа!

Мальчик захлёбывается слезами, и женщина тоже, но только из-за приступа, она не может вдохнуть, и всё вокруг становится темнее, пока не остается только плач и хрип. Мальчик не знает, что делать, он хочет вскочить, но огромные руки вдруг вылезают из-за кровати и держат его, держат, пока он смотрит на хрипящую женщину; он не может пошевелиться.

Сиплый вздох, и он резко просыпается. Снова кошмары. Вокруг пахнет лекарствами.

В тёмном отсеке спорили двое мужчин: один – высокий и худой, другого же почти не было видно, только очертания макушки – этот человек был ниже первого. Тот, что повыше, отчаянно доказывал что-то второму:

– Послушайте же! Такая катастрофа не должна быть пропущена, мы не должны закрывать на неё глаза! Им надо помочь, ясно вам? Ради этого мы тут и сидим, а не просто штаны просиживаем! Послушайте, там же даже дышать уже нельзя без масок, только для городов ещё вырабатывается кислород, а вне – всё мертво; даже моря уже пусты... так дальше нельзя!

Второй слушал его, подбоченясь; он выглядел непоколебимым, но в то же время – раздражённым, однако он стоял и молча слушал, как высокий захлёбывается в собственных словах, как будто ждал, пока тот выговорится.

– Артур, – наконец сказал он, и высокий тут же затих. – Вы же не думаете, что я пойду у вас на поводу?

Артур выглядел ошеломлённым.

– Что? Но вы же не думаете, вы же не...

– Что я не? Я верю вам, можете не переживать. Но, – жёстко заметил он, – делать я ничего не собираюсь. Это всё – для нашего же блага, мы можем потерять наших лучших учёных. Я не собираюсь подвергать моих людей такому риску.

– Вы что, решили здесь штаны просиживать? – зло проговорил высокий. – Вы просто трусливый...

Тут Артур замахнулся, не выдержав, и это стало для него роковой ошибкой: что-то там, в отсеке, в темноте, прожужжало, и высокий мужчина, как подкошенный, свалился на пол.

Второй молча посмотрел на него; в дверях отсека, кажется, вдруг движение – он повернулся туда, но тень уже исчезла.

Марко выскочил из-за угла, и, прежде чем робот успел поднять руку с лазером, замахнулся и ударил в ногу. Робот упал, и парень, отойдя на пару шагов, махнул кому-то головой.

– Он твой, – сказал он. – Значок можешь выкинуть потом где-нибудь.

В темноте кладовки явно кто-то находился, и этот кто-то сказал скрипучим, ломким голосом:

– Хозяин, вы уверены? Почему бы просто не забрать пару банок?

Марко мотнул головой снова: вышло инстинктивно. А потом сказал:

– Если условия искусственные, то и решение проблемы тоже не будет настоящим. Нужно играть по их правилам.

По небу тянется ленивый, тонкий шлейф из дыма, будто кто-то проводит пальцем по мыльному стеклу, выводя белые причудливые узоры. Длинная череда высоких домов – тоже будто шлейф, только здесь эти неровности и изгибы, обломанные края балконов и огромные дыры в крышах – дело рук времени. Нет, даже не так. Не только времени, он бы сказал. Эти дома сейчас выглядели бы куда лучше, если бы не одно «но» – люди.

Нет, это звучит смешно, он знает. Но земляне теперь вообще не способны возводить что-то подобное, не говоря уже о починке: их работа за пару сотен лет свелась к простому укради-съешь-убей. Почти всегда в таком порядке.

Не важно, из какого века тот, кто читает это, из двадцать третьего или пятидесятого, если к тому времени земляне не вымрут, а целльцы не сбегут в глубины космоса. У вас уже вопросы, верно? Тогда, пожалуй... нет, обо всём по порядку: и сначала ему нужно пережить этот день.

Перси сегодня снова проснулся от кошмаров.

Он осторожно юркнул между рядами домов и спрятался в небольшом проулке, за коробкой с чем-то грязным и старым, похожим на тряпки на выброс. Нужно поторапливаться – наверняка там уже большая толпа. Нос забивал смрад улиц – помой и приторно-солёный запах рыбы, рыбы, которой здесь никогда не было и не будет – просто однажды мама сказала, что этот запах похож на рыбу, и Перси запомнил. Этот запах вьелся в камни дороги, в пыль и, кажется, наполнял всю Питу – но всё равно был ужасно противным.

Перси двинулся вдоль проулка, стараясь не наступать на грязные лужи машинного масла, и, оглянувшись пару раз, ускорился: быстро, неслышно скользнул через одну улицу, вдоль другой, и вот он уже – в нужном квартале. Думаете, это напоминает охоту? Рынок – и есть самая настоящая охота. Не такая, правда, как была раньше, в лесах и всё такое, леса здесь давно нет, да и Перси не верит, что когда-то был.

Только вот на охоте всё же не шумят. Хотя, если из средств устрашения у тебя только грозный рык, то шуметь приходится, только вот ни Перси, ни остальных сейчас этим не взять. Хотя вряд ли «остальные» считают себя охотниками.

Перси поднял голову вверх и вдруг почувствовал какой-то азарт. Даже не так: готовность действовать. У него никогда не захватывало дух, когда он смотрел между домами, туда, где в вышине висело мыльное небо: просто балки, торчащие куски домов, крошащиеся стены. Нет, это ни капельки не вдохновляло или воодушевляло, нисколько не настраивало на мысли о хорошем. Перси всегда так делал, когда готовился выйти на улицы Рынка: просто напоминание себе о том, что чуда не произойдёт.

Впереди, на площади, шумели люди, много людей: Перси нырнул в толпу и тут же почувствовал себя как в море, которое вот-вот начнёт штормить; люди чего-то ждали, над головой свистел ветер, а внизу было душно, и везде были головы, головы, они качались, пытались куда-то пробиться, и их всех тянуло в центр площади, где вот-вот должно было... Перси стало дурно. Он понял, что лезть внутрь сейчас было плохой идеей, надо было подождать или прийти раньше, но он мог не успеть, если...

В противоположном Перси конце площади было высокое здание, единственное в округе не обветшалое настолько, чтоб в нём нельзя было находиться; тут двери этого высокого здания попытались раскрыться, и толпа, вздрогнув, покатила вперёд. Перси пытался уцепиться за что-нибудь, но всё, что его окружало, двинулось в одном направлении, и у парня закружилась голова. Они боялись, что не достанется, и бояться действительно стоило.

Двери наконец немного приоткрылись, и толпа надавила сильнее; из здания выкатились два робота, два синих человека из пластика, держащих в руках огромные коробки так, будто

бы они не были доверху набиты самым ценным, за что можно было бороться в Пите – и толпа словно бы успокоилась, будто до этого люди не до конца верили, что коробки принесут.

Раньше на Раздаче всегда были формальности: один из роботов вставал куда-нибудь повыше или просто у входа, и что-то в его животе проецировало огромную голограмму видео-обращения от главы Целлы: Перси не помнил, но мама рассказывала, что в ней старый человек с тёмными усами вещал что-то про заботу Целлы о Земле и будущих совместных начинаниях, но этому, конечно, никто не верил. Потом что-то случилось, и видео больше не показывались: возможно, потому, что Целла больше не хотела так делать, или потому, что никто не смотрел эти дурацкие видео.

Перси наконец почувствовал себя твёрдо на ногах и понял, что надо действовать: скользнул, чуть пригнувшись, вперёд, словно знал, в каком месте легче пройти.

Роботы – это были те редкие роботы прямо с Целлы, которые не крушили всё, что движется слишком активно – одновременно вскрыли коробки: щелчка Перси не услышал, но толпа это сразу почувствовала. Она рванула вперёд снова, с такой силой и с таким ожесточением, что Перси упал вниз, не рассчитав, и больно ударился спиной о камни. Тут же у уха приземлилась тяжёлая нога в огромном сапоге, с другой стороны – ботинок, такой, что наступит – мало не покажется; Перси, перекатившись, вскочил, пока не задавили; со всех сторон толкались, но парень смог удержать равновесие и рванулся вперёд.

Люди кричали, шипели, свистели; Перси слышал, как лязгнули роботы, и в тот же миг раздался грохот: коробки свалились на землю. «У меня секунд десять», – это предчувствие так и не успело сформироваться в мысль, просто появилось и исчезло, и Перси, наконец увидев одну из коробок, прыгнул к ней.

Парень даже не думал лезть прямо туда, доставать что-либо, это было бы самоубийством. Только он оказался рядом с дверьми, какой-то мальчишка прямо с головой нырнул в коробку – настолько она была большая – и выскочил оттуда, набрав полные руки баночек и тюбиков; его тут же схватили, кто-то забрал у него всё награбленное, и его, верещащего мальчишку, сбили с ног; он тут же утонул в ногах, не успев ухватиться.

Перси огляделся: коробки быстро пустели; он подскочил к кому-то и быстрым, точным движением ударил в живот. Бедняга (это был мужчина среднего возраста) пошатнулся, и всё, то он успел отобрать, посыпалось у него из рук – всё прямо к Перси.

Какая-то женщина справа от него вцепилась в банку: тоже решила, что отобрать легче, чем пытаться достать из коробки. Женщина дёрнула – Перси извернулся, стараясь не растерять всё остальное, вцепился ей зубами в руку – она завизжала и отпустила.

Он стал проталкиваться к выходу с площади; ноги не слушались. Толпа качалась, Перси не хватало воздуха, и ему казалось, что он – мокрая глина, о которой рассказывала мама, и что где-то в животе теперь зияет пара дыр. Его толкали, его руки и бока застревали где-то между другими людьми, его тянуло обратно к центру; кружилась голова.

Вдруг один из роботов, что вытаскивали ящики, встал и замахал руками. Люди не обращали на него внимания, и он заржавело закричал:

– Граждане, сохраняйте спокойствие... – договорить он не успел: кто-то ударил его прямо в синюю голову; тогда робот сунул руку в коробку и достал оттуда одну из баночек, словно бы дразнился; он хотел привлечь внимание, но получилось только хуже. Он подписал себе смертный приговор.

Робот тут же исчез, толпа знала, что он сдачи не даст, и поглотила его, как огромная волна поглотила половину суши в маминых сказках; Перси уже исчез в одном из переулков, но что-то заставило его остановиться и, спрятавшись за мусорным баком, подглядывать оттуда за ходом действий. Может, то, что роботы никогда так не делали.

Тут его взгляд что-то привлекло; Перси даже не мог сказать, что именно, просто кто-то вдруг будто прошептал над ухом: смотри туда, сейчас там будет интересно, и Перси послушно

взглянул. И в тот же миг какая-то тень в плаще аккуратно вытянула из чьего-то кармана два тубика. Перси ухмыльнулся – но затем тень вдруг оказалась за одним из громил, с которыми связываться было всегда не самой хорошей идеей; Перси усмехнулся, представляя, как сейчас фигуру в плаще схватят и пнут в ноги толпы, чтобы голова наглеца раскололась, как песочный замок из маминых рассказов, но...

Парень выдохнул от удивления. Фигура в плаще вытянула тонкие пальцы и ухватила банку с мясом, большую, ценную банку, когда-то спасшую наверняка кому-нибудь из здесь присутствующих жизнь; и раз – её уже нет.

Перси уважительно присвистнул. «Надо бы за ним проследить», – подумал он, но тут началось то, о чём он во всей этой суматохе успел уже и забыть.

Послышались крики – не гомон, возгласы или визг людей, а нечто другое – железный скрип и треск, будто те, от кого исходили эти звуки, были очень старыми, настолько старыми, что «видали ещё динозавров», как говорила мама Перси. Пусть он и сомневался в их существовании. Звуки были настолько громкими, что их было слышно даже через шум от толпы.

Со всех сторон к площади подкатили старые роботы – покрашенные в синий пластиковые куклы в полицейских фуражках, внешне похожие на людей, будто бы создатели надеялись, что это сходство помешает родителям придумывать про них всякие страшилки. Перси надеялся, что он сидит не в том переулке, откуда они обычно выкатывают, но, словно издеваясь над ним, неподалёку раздался точно такой же треск, что и с других концов – и Перси только успел вжаться в пахнущую рыбой мокрую стену за кучей тряпья и баком, как мимо прошёл робот. На всякий случай Перси даже задержал дыхание – правда, сам толком не знал, зачем. А может, от вони.

– Они здесь! – крикнул кто-то в толпе, и в следующую секунду сердце сжалось от душевизирующего вопля, перебиваемого лишь звуком лазера из руки робота – спокойное, неприятное «вж». Перси вздрогнул и вжался в стену ещё сильнее: ужас затопил голову, и стало нечем дышать.

– Никаких беспорядков, – проскрипел робот.

Крики продолжались, теперь они были со всех сторон, и Перси увидел, как мимо него по переулку бегут люди – трепыхающиеся куртки с прижатыми к груди драгоценными банками и бесконечные ноги, словно бы это были не люди, а огромная сороконожка; Перси сказал себе, что нужно успокоиться, и в тот же миг снова раздался крик, и ноги перестали мелькать перед глазами.

Вокруг была какофония, но Перси вдруг показалось, что он слышал удаляющиеся шаги полицейского. Он выдохнул, набираясь смелости, и выглянул: в переулке и вправду никого не было со стороны площади. Та, кстати, стремительно пустела: люди разбежались, прихватив добро.

Перси вдруг как водой окатили: страх внезапно ушёл, словно бы его кто-то смахнул, как проходит икота, если про неё забыть; снова кто-то будто прошептал парню на ухо: «смотри, там что-то движется», и Перси успел только дёрнуть головой в нужную сторону: впереди, на крыше, проскочила чья-то тень.

«Точно, – вспомнил Перси. – Надо проследить за ним. Такой союзник никому не помешает».

Он огляделся: ни один из роботов вроде не смотрел в его сторону – и Перси уже хотел броситься следом, как заметил что-то, что заставило его содрогнуться: за тенью в плаще гнался парень, один из банды громилы – того самого, у которого фигура в плаще стащила банку.

Перси сжал губы. А потом, убедившись снова, что его никто не увидит, вскочил на бак, подтянулся – дома здесь были низкие, куда ниже, чем с другой стороны площади, да и обвалившиеся наполовину, на них забираться легко – и бросился за ними следом по узкой полоске крыши.

Фигуру в плаще было несложно найти; но только Перси её заметил, она перепрыгнула на другой дом, поскользнувшись на крошащемся углу и чуть не свалившись, парень из банды – за ней; затем – ещё крыша, и они оба, фигура и парень, скрылись внизу. «Спрыгнули», – понял Перси.

Он подбежал туда: там торчали обломки балкона вместе с острыми остатками прутьев, а дальше – мусорные баки и надстройки; фигуры в плаще не было видно, а вот парень из банды, наоборот, озирался и явно недоумевал, куда делся тот человек. Перси спрятался за балкой; парень спрыгнул вниз: здесь стоял многоквартирный, как его называла мама, дом, в несколько этажей и почти-почти пригодный для жизни. Кажется, фигура в плаще успела прыгнуть в одно из окон, которых с этой стороны было достаточно много, и теперь парень не мог понять, где искать цель. Перси хмыкнул: искать через вход будет ещё дольше, но тут он понял: сейчас парень позовёт остальных, и сюда прибежит целая толпа таких же отморозков, как тот громила. Надо спешить.

Перси выглянул из-за балки и перебежал к окнам: где-то здесь должно быть одно-единственное, нужное ему окно. Парень подошёл к первому из них, самому крайнему, и взгляделся внутрь. Темно. Вряд ли тот человек в плаще долго раздумывал, куда ему прыгать, да и, наверное, мало куда удобно лезть...

И тут чья-то длинная рука высунулась из окна, схватила его и затащила внутрь.

Перси упал на пол, перекатился, схватил какой-то предмет и выставил его перед собой, как щит. И вовремя: тут же фигура в плаще со всей силы ударила его палкой, и щит рассыпался на мелкие кусочки: им оказался старый стул, прогнивший до того, что ломался буквально от прикосновений.

Перси вспомнил про нож, что был у него в правом кармане штанов, но потом решил защищаться подручными средствами: нападёт на этого чудика с ножом, так тот никогда не станет союзником.

Тогда Перси бросился за старый стол, который стоял тут же, наверное, ещё со времён сотворения Целлы; но фигура в плаще схватила его за ногу. Перси брыкнулся, но противник держал крепко, и вдруг принялся тащить к себе по полу. Возникла борьба; Перси сел, замахнулся и хотел уже ударить врага в челюсть, чтобы хорошенько образумить, но фигура в плаще перехватила удар и свободной рукой в широком рукаве врезала Перси прямо в нос.

Парень невольно зашипел от пронзившей нос боли; он на секунду замешкался, и этой задержки хватило на то, чтобы перекатиться, схватить Перси сзади и приставить к горлу нож.

Перси даже не успел понять, откуда этот нож вообще взялся; он замер. Лучше резких движений не делать, это точно, тем более когда чьё-то лезвие не просто находится у твоей шеи, а практически уже сделало надрез.

– Тихо, тихо, – протянул он, надеясь, что это прозвучало не так, будто он успокаивал сам себя.

– Что здесь вообще забыл простол... землянин вроде тебя, а? – прошипели у Перси над ухом. Голос у этого чудика был приятный, но по шёпоту толком не разобрать – только надломился один раз, когда незнакомец оговорился. Он же оговорился, верно? – Ты один из их шайки? Иди им и скажи, что ничего я возвращать им не собираюсь.

Перси глянул в окно: там вроде никого не было видно, хотя до сих пор не понять, где они были, мог только глухой. Он поднял руки.

– Я пришёл с миром, – максимально растягивая слова, проговорил он, и это показалось ему самому смешным, но иногда помогало: например, если он пытался успокоить разъярённого ребёнка.

Чудик под ухом фыркнул.

Ну, или это помогает разрядить обстановку.

– Говори, зачем явился, или я тебя зарежу вот этим ножом, как свинью, – спокойно, но очень холодно процедил чудик.

– Как кого?.. – пробормотал Перси, но чудик только сильнее прижал к горлу нож. Кажется, это начинало его раздражать.

Но это странное сравнение заставило Перси понять, что ему до сих пор не давало покоя.

– погоди, ты что, хотел сказать «простолюдин»? – вырвалось у него. Это слово он слышал от мамы, когда она рассказывала сказки про древние времена.

Чудик замер. Перси хотел откусить себе язык, но, кажется, от ножевого ранения он умрёт быстрее.

– Вы.

– Что? – не понял Перси.

– К человеку с ножом обращаются на «вы», – заявил чудик. Да, он точно странный тип.

– Но подожди-ка... – Перси чуть осмелел.

– Ещё одно слово не по делу, и пеняй на себя, – зло прервал его чудик. Нож немного вдавился в кожу, и Перси занервничал.

– Ладушки, ладушки. Не сердись, теперь я только по делу.

«Ладушки»? Что это вообще такое? Что он несёт?

– Я тут увидел, как ты стянул парочку тюбиков и банку, или что у тебя там было, и подумал, что ты неплохо во...

Тут где-то в глубине квартиры (а может, и в коридоре) скрипнула дверь, и Перси резко зажали рот.

– Эй, приятель! – крикнул кто-то, и Перси понял, что преследователи находятся холле, в который выходят двери квартир. – Ты там еду стащил! Ты в курсе, что она наша, а?

Нож скользнул к уху. Перси осторожно выдохнул.

– А ну быстро за мной, и чтоб без шума, – прошипел чудик, заметив, как вздрогнул при этих криках Перси – очевидно, уверился в том, что парень точно состоит в шайке этих вымогателей. Чудик отступил назад, и в Перси затеплилась надежда, что сейчас они где-нибудь спрячутся и переждут, пока всё не уляжется, их ведь могут и не найти, потому что встречаться с этими ребятами Перси тоже не горел желанием, и...

Раздался глухой звук, будто что-то упало на пол, и в следующий миг под ногой чудика что-то хрустнуло.

Перси нахмурился было, что это может там хрустеть (не деревяшка ли?), и быстро глянул вниз.

Под ногами у них рассыпались тёмные шарики неправильной формы. «Похоже на крупу», – хмыкнул Перси, и тут по спине словно пробежала сотня маленьких пауков.

Стало очень тихо, так тихо, что Перси слышал, как застучала кровь в голове.

– Нет-нет-нет-нет, – затараторил он шёпотом, будто это могло что-то исправить. – Нет, только не это, пожалуйста...

Перси потянулся вниз: банка катилась тут же по полу, он бы мог собрать, этим же можно неделями питаться... но чудик поднял его обратно.

– На это нет времени, – сказал он сухо, но Перси вырвался и принялся ползать по полу, поднимая шарики и собирая их обратно в банку.

– Эй, а ну...

– Это вся моя еда на следующий месяц! – в сердцах крикнул Перси, на миг обернувшись к чудику.

– Потихе, они же услышат... – чудик выглядел немного ошарашенным.

– Ну и пусть услышат! – Перси, наверное, крикнул это слишком громко, но в противостоянии между страхом умереть от голода или от рук громилы побеждал явно голод. Хотя в какой-то мере это было, наверное, одно и то же. – У меня же без этого всего-ничего осталось!

Послышались быстрые шаги; Перси пробил крупный пот, и на секунду парень подумал, что надо было действительно бежать, пока ещё он мог, но тут дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился громила – глава банды, у которого стащили банку. Кажется, его звали Грэг, и в руках у него покачивалась бита. За спиной у него никого не было, только развалившаяся стена загораживала большую часть коридора.

Грэг усмехнулся, и Перси от этого поплохело; тем не менее, даже сейчас, в такой ситуации, его пальцы продолжали лихорадочно сгребать в кучу и сыпать в банку крупу напополам с пылью. Их главный враг – голод.

Чудик направил нож на Грэга; но тут в окне появился другой, тонкий, длинный силуэт – этот человек был похож на богомола, о таких рассказывала мама – и острей уставилось на него. Их окружили.

– О, Перси, и ты здесь, – неприятно хохотнул своим низким голосом Грэг, и Перси приказал себе собраться. Он же с ними виделся миллион раз, он знает их и их слабые места. Он выйдет из воды сухим.

Богомолopodobный прыгнул с окна, и они оба начали приближаться – нож чудика поворачивался то в одну сторону, то в другую. Перси отступил за него и мельком подумал про остальных участников банды: наверняка они где-нибудь внизу, у входа.

Грэг замахнулся битой и ударил, но чудику удалось увернуться; Перси отпрыгнул назад, лихорадочно перебирая варианты побега. Грэг большой, он с битой – ударит так, что всю голову расшибёт. Зато у него есть и одно «но» – он довольно неповоротливый. А вот Богомолopodobный, чьего имени Перси никак не мог запомнить... Он шустрый, и у него тоже есть нож, с которым он довольно хорошо управляет. Эти двое дополняют друг друга.

Перси переглянулся с чудиком и глазами показал ему на Богомолopodobного: чудик слегка нахмурился, словно бы не понимал, с чего бы Перси играть против “своих”, но потом слегка прищурился и кивнул: Перси за пеленой капюшона не увидел, а скорее почувствовал этот жест, и посчитал его за согласие.

Чудик прыгнул через стол и рубанул наотмашь по Богомолподобному; тот увернулся и подставил подножку, и чудик, чуть не упав, потерял равновесие.

В то же время Грэг, стрельнув глазами в сторону своего товарища, бросился на Перси; тот увернулся, но громила стал размахивать битой, стараясь попасть парню прямо в голову. Перси начал спотыкаться; Грэг наступал, и Перси забежал за стол, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было отбиться. Неподалёку стоял стул, и Перси кинул в Грэга им. Он очень надеялся, что это как-то собьёт громилу с курса, но не тут-то было: Грэг взмахнул битой, и стул разлетелся в щепки; Перси показалось, что дело тут даже не в том, что вся мебель была тухлявой и старой.

Грэг подобрался совсем близко и ударил битой прямо в голову Перси; тот испуганно подставил первое, что попало под руку – им оказалась банка с парой горстей крупы – всё, что парень успел собрать и не выпускал из рук. Её было ужасно жаль, но на подобное времени не было; от удара банка лопнула, и крупа высыпалась Перси прямо на лицо.

Но Грэг всё же немного отвлекся, и за ту секунду форы, что он получил, Перси перевернулся и бросился на четвереньках к противоположной части стола: было не очень удобно, зато, когда Грэг очнулся, Перси уже вылез с другой стороны стола и выпрямился.

И тут же ему пришлось уворачиваться от ножа Богомолподобного, о котором он уже успел забыть; чудик тут же врезал ему локтем по животу, вероятно, случайно, но Перси всё равно согнулся от боли. Чудик что-то ему прошипел – ему уже недоставало воздуха – и увернулся от очередного удара Богомолподобного; он загонял их в угол между окном и столом.

Перси, согнувшись, неожиданно увидел банку на полу, и вдруг ему в голову пришла неплохая идея. Он оттолкнул чудика в сторону, который как раз отразил удар Богомолподобного; выхватив нож, он наотмашь провёл им перед собой, и противник отпрыгнул назад – и

угодил прямо на крупу. Он поскользнулся и упал, и Перси толкнул чудика к окну – единственному способу сбежать отсюда. Чудик нырнул внутрь, и Перси, не дожидаясь, пока Грэг перепрыгнет через стол к ним, сиганул следом.

Он перекатился по крыше и вскочил.

– Куда теперь? – задыхаясь, спросил чудик, и Перси быстро огляделся: внизу, как он и ожидал, стояла целая толпа оборванцев; кажется, Перси заметил даже несколько детей, скалящихся и невероятно чумазных. Тут кто-то из шайки совершенно случайно обернулся к ним, и, крикнув что-то, указал на Перси; вся толпа сразу же загалдела, уставилась на них, ещё секунда – и они бросились к крыше.

Перси понял, что надо бежать: он бросился в противоположную от толпы сторону, чудик – за ним. Раздался треск, и из окна вылез Грэг, а следом – Богомолоподобный, и они оба, свистнув своим, бросились за Перси и чудиком.

Дом, по крыше которого они бежали, был очень длинный и плоский, и Перси был тут виден, как в чистом поле, как любила говорить мама; крыша крошилась, и Перси заметил, что чудик то и дело поскользывался – пару раз он чуть не слетел вниз, но в последнюю секунду выравнивался.

“Так дело не пойдет”, – решил Перси и быстро оглянулся. Грэг и остальные гнались за ними по пятам, и если они не исчезнут прямо сейчас так, словно их и не было никогда, через минуту от них не останется и мокрого места.

Перси хлопнул чудика по плечу, и ему показалось странным то, насколько скользкой была ткань его плаща, но он тут же отбросил эти мысли и спрыгнул вниз, перед этим удостоверившись: да, там невысоко. Кажется.

Перси и чудик упали в кучу мусора и тут же, как бы ни хотелось Перси пересчитать отбитые бока, бросились во дворы, петляя меж домов, строительного мусора, баков и людей; последние разбегались при виде толпы, которая гналась следом, словно кошка, которую поманили рыбой.

Здесь становилось уже болеелюдно, и Перси понял, где они находятся: это почти на краю Питы, здесь были старые, но ещё сносные одноэтажные домики, которые больше походили на соломенные хижины, что однажды показывала мама: такие же хлипкие на вид, маленькие и недолговечные.

Они петляли, а за ними гналась толпа; вдруг Перси заметил синее пятно впереди, и даже не успел понять толком, что это, как ноги сами дёрнули его в переулочек: он схватил чудика, притянул в узкий проход между двумя домами и замер сам, страстно желая, чтобы их не нашли. Чудик чертыхнулся – Перси быстро зажал ему рот, и тут же мимо пронеслась целая орава. Когда пыль улеглась, Перси выдохнул, и тут до его ушей донеслись вопли.

– Робот! Уходим! – громогласно крикнул Грэг, но было поздно: в следующую секунду раздался неприятный звук “вж”, и вместе с ним – крики людей; чудик тяжело дышал, а Перси почувствовал, как от быстрого бега и осознания того, что ещё бы чуть-чуть, и на их месте мог бы быть он сам, у него начинает кружиться голова.

– Никаких беспорядков, – проскрипел синий полицейский; мимо переулочка пробежал один из банды, громко крича, но тут же его пронзило лазером, и он упал.

Чудик вдруг захрипел; корчился он уже давно, но Перси только сейчас обратил на него внимание, и это словно стало сигнальным флажком: парень в плаще схватился за горло, зажав рот рукой, начал кашлять; Перси испугался – он понятия не имел, что происходит с чудиком. Тот, кажется, старался кашлять потише, но в итоге только давился и захлёбывался. Они услышали скрипящие шаги – робот подошёл к переулочку – и Перси похолодел, уже похоронив себя и чудика; тот кашлял, но как только слышались шаги, вытаскивал что-то из кармана и сунул в рот. Перси вдавился в стену, стараясь не дышать и не шевелиться; робот посмотрел в их сторону, и парень замер, моля всё существующее на свете о том, чтобы их не заметили.

Чудик снова сунул что-то в рот; это было похоже на небольшую трубку, но Перси не смог рассмотреть, было слишком неудобно; он не думал, что это поможет, но чудик действительно начал кашлять меньше и смог нормально вдохнуть.

Робот пошёл в их сторону: кажется, заметил. Перси начал пропихивать чудика дальше по закоулку, но тот протестующе замычал и наступил ему на ногу, и они так и не смогли куда-то особенно далеко уползти, когда скрипучие шаги раздалась совсем близко. Чудик всё ещё покашливал, но тихо и изредка, как будто кашель предупреждал: «Сейчас я буду незаметен, но я всё ещё здесь».

Тут где-то неподалёку от них раздалась быстрые шаги; потом кто-то закричал и бросился в другую сторону – это было слышно – и робот развернулся, застыл на пару секунд, раздумывая, и вдруг двинулся на звуки. Перси выдохнул.

Прошло несколько минут.

– Ну и бред, – прошептал чудик, и, немного подумав, скинул капюшон. Перси и до этого мельком пару раз его видел, например, пока они дрались, но только сейчас смог окинуть более-менее целиком. – Как вы здесь живёте вообще?

Парень оказался рыжим и лет семнадцати на вид; Перси вгляделся в его лицо, и только через пару секунд понял, что его поразило: здесь, в переулке, было темно, и лицо чудика было немного запылённым от погони и драк, но... оно всё ещё показалось Перси самым чистым и ухоженным из тех, что он вообще когда-либо видел.

– Так... раз уж ты не с ними, зачем вообще полез? – спросил чудик, выдыхая. Этот вопрос показался Перси неожиданно смешным, и он зашёлся хохотом, но тут же ударился головой о противоположную стену – пришлось выпрямиться.

– Хотел тебя взять в союзники, – сквозь смех сообщил он. – Ты неплохо воруеть – сколько успеваешь натереть обычно на Раздаче? – да и бегаешь неплохо... только кашляешь громко, – он усмехнулся.

Чудик посмотрел на него сверху вниз, насколько это было возможно сделать сбоку, но потом тоже усмехнулся – совсем неискренне, даже со злостью. Но Перси не заметил.

Они вылезли из переулка: здесь было тихо, только иногда люди перебежали на другую сторону улицы, косясь в сторону робота, да то тут, то там валялись тела. Перси насчитал около семи.

– Я Лютер, – чудик протянул руку, и Перси покосился на неё.

– Перси, – парень чуть заметно сжал губы и на секунду отвернулся, словно бы ему было противно это произносить; но чудик руку не убирал. – Зачем?..

– Пожми, – сказал Лютер так, словно объяснял это двухлетнему ребёнку. – В знак знакомства.

Перси покосился на руку, не понимая, зачем это всё, но потом всё же пожал.

– Вот и отлично, – почему-то немного снисходительно проговорил Лютер. – Я подумаю над твоим предложением.

2

Перси осторожно пробирался меж домов и пробегал по переулкам, будто какой-нибудь преступник, внимательно следя за тем, чтобы на его голову не упал отколовшийся кусок стены или внезапно из-за угла не выскочил робот, или, того хуже, один из шайки Грэга. Конечно, их стало меньше после того, как они случайно наскочили на робота-полицейского, но они стали только злее, хотя, казалось бы, куда уж больше. Перси знал их уже давно: после смерти отца всё время вокруг него были толпы скрюченных, озлобленных и тощих людей. Они питались тем, что сами смогли добыть во время Раздачи или отобрать в течение месяца у соседей; Перси пристал к ним, и они помогали ему долгое время, научили красть еду, сбегать, прятаться в толпе. А потом, когда он подрос, заявили, что отныне всё краденое он должен поставлять им, где Грэг будет лично распределять еду. Перси ощутил тогда какую-то смесь страха и ярости; он заявил, что отныне они будут идти порознь, и убежал.

Правда, самому красть банки оказалось куда страшнее и сложнее, чем казалось на первых порах. И Перси понял: одному ему не справиться.

Он как-то раз спрашивал у мамы, ещё в детстве, когда с ней было всё в порядке, почему люди дерутся за еду, а не могут просто поделить её между всеми. Она ответила, и эти слова Перси запомнил на всю жизнь:

– Не все люди хотят делиться, милый.

Пита представляла собой небольшой городок, хотя мама часто раньше называла его “деревней” – значения этого слова Перси так и не понял. Таких городков всего было около пятидесяти, и жило там крайне мало народу – всё, что осталось от землян.

Вокруг Питы было ещё ничего: на пару километров на юг простирались пеньки: скрюченные, искорёженные деревья, какие-то чахлые растения, почти убитые пылью и засухой, колючки. Рядом ещё протекала речка, но с каждым годом она все больше мелела, и Перси даже догадывался, почему: если комнату, например, заполнить разным хламом, то места ни на что больше не останется. От речки там было одно название: так, скорее просто канавка, длинная, пыльная канавка.

Конечно, Пита не была таким уж особенным городком: здесь были и совершенно голые, пустынные земли, бывшие когда-то почвой (пару сотен лет назад), но давно уже потерявшие последние крупинки жизни; такие земли были везде, буквально на каждом шагу, вперемешку с мелкими, грязными морями, если вы вдруг захотите погулять по голой планетке Земля.

Хотя, конечно, далеко не уедешь, тут бы хоть внутри Питы нормально перемещаться: на каждом шагу стоят синие роботы-полицейские – мера предосторожности Целлы. Если вдруг решишь, что что-то ты недоволен всем происходящим, пойдёшь и начнёшь выступать за свержение “великого корабля”, последствия будут всегда одинаковые. Перси их уже не раз наблюдал.

К тому же, давным-давно создатель Целлы построил по всей Земле несколько САПК – Станций Автоматической Подачи Кислорода: это знали все в Пите, и, наверное, все на Земле. Мама рассказывала, что это произошло из-за экологической катастрофы, растительности ведь почти не осталось. Чтобы использовать кислород максимально эффективно, вокруг каждого города были возведены огромные купола, не позволяющие выйти ни ему, ни кому-то ещё. Была, конечно, вентиляция, но до неё добраться было почти невозможно: она высоко, а что изнутри, что снаружи, купол был гладкий и скользкий. Словом, не выбраться.

Перси остановился и поднял голову. В небе плыли редкие грязноватые, серые облака – ничего, что могло бы подарить надежду. Чудес не бывает.

Он вздохнул, скользнул в дом и крепко запер за собой дверь: хотя бы ради громких звуков. Сработало: в соседней комнате звякнула ложка, древняя, старая ложка, которая, как казалось иногда Перси, жила куда счастливее, чем все земляне, вместе взятые.

– Джеймс? Это ты-ы? – последние буквы мама чуть не пропела, но всё равно получилось странно.

– Нет, мама, Джеймса нет и никогда не существовало! Это Перси, – крикнул он и саркастично напомнил. – Твой сын, если ты не знаешь!

– Питер? – снова пропел женский голос.

Перси выдохнул сквозь зубы. Ну хоть так.

– Мама, я принёс еды с Раздачи, – Перси вошёл в комнату, но мама смотрела в другую сторону, будто бы ждала, что её сын вылезет из стены. – Еды, слышишь? Ты голодна?

– Эмили, золотце, подай мне вот ту чашечку, я налью Перси ещё чаю. Малыш, ты спал днём? – мама взглянула куда-то вправо, а потом – снова на стену.

Перси вздохнул и вытер нос, но тут же поморщился: кровь больше не шла, но прикосновения причиняли сильную боль.

Их дом представлял собой старый полуразвалившийся фургон, который ужасно защищал от холодов, а когда день был солнечный, раскалялся так, что невозможно было вдохнуть; сюда смогли поместиться только ящик, куда Перси складывал остатки провизии, невиданное богатство – настоящая плита, которая когда-то была у каждого, а теперь работала через раз и стала великой редкостью, бочка с мутноватой водой, которую Перси смог выменять на мясо в одной лавчонке на Рынке, мамино кресло – она с него не слезала – и пара одеял, рваных и тонких. На них Перси спал.

Мама подняла руку с ложкой, а потом стукнула ей о другую ложку, такую же старую, но всё равно куда более довольную жизнью, чем большинство людей на Земле; Перси подумал, что одна из них, вероятно, за чашку здесь.

– Эмили, належ ещё Марте, она любит чёрный чай с лимоном. Джеймс, ты видел когда-нибудь лимон? – она повернулась налево, где сидел её воображаемый друг.

– Мама, ты голодна? – снова спросил Перси. Он был терпелив; он привык.

– Что? – та наконец услышала его, и это показалось Перси небольшим чудом. Но все его надежды разбились, будто сосулька, сорвавшаяся с крыши, стоило маме продолжить. – Марта, ты что, не любишь чёрный чай с лимоном? Вот это досада.

– Мама! – что-то внутри Перси лопнуло, и он, опустившись возле неё на колени, крепко стиснул зубы. В груди болело, и ему хотелось заплакать, но что-то внутри этому противилось, и он с силой ударил об пол кулаком. Мама вздрогнула, но ничего не сказала, как ребёнок, который делает вид, что не замечает тебя, а потом выдаёт себя, потому что забыл или потому, что ты застал его врасплох.

– Джеймс, успокой Перси, а то он опять расплакался, – сказала мама немного озабоченно, как будто проблемы, сидящие у неё в голове, были реальны. Ну нет уж. Реально то, что происходит вокруг тебя, а не эти Джеймсы, Марты, Эмили и другие. Перси на секунду подумал, что сказал что-то важное, но это тут же показалось ему смешным. Конечно, это важно. Это важно для него самого, и это уже делает эту мысль особенной.

Перси сидел, не двигаясь, и слушал, как она стучит ложками, смеётся и разговаривает с выдуманными людьми, будто это Перси тут нереальный. Потом – он не знал, сколько прошло времени – но он встал, вытер лицо рукавом и отвернулся.

Он вытащил из карманов куртки всё, что успел схватить, и это показалось ему настолько обыденным, что он горько усмехнулся, всего на секунду, а потом заставил себя поставить банки в ряд и рассматривать их ещё минуты две, пока не отпустило. Чудес не бывает.

Две банки и один тубик – больше, чем в прошлый раз. Если бы он не потерял так глупо крупу, было бы три. Щедрый улов.

Каждый месяц фермы по всему миру устраивали Раздачу. На фермах трудились только роботы – тоже синие – выращивали огромных, жирных, накачанных какой-то дрянью животных и пускали на мясо – Перси однажды рассматривал с мамой один кусок, когда она рассказывала, какие раньше были домашние животные – они так и не смогли определить, на кого это было бы похоже. Это были красные банки, их обычно разбирали быстро – но сейчас Перси, кажется, смог урвать одну.

Ещё были овощи или фрукты, и раньше мама всегда отзывалась о них нелестно – но Перси привык к их виду – серые кругляши, изредка похожие по цвету на зелёный или жёлтый – и к вкусу, или, точнее, его отсутствию. Это были зелёные банки – и сейчас у Перси в руках была одна такая.

Ещё были серые, там обычно лежала крупа, такая крупная и вызывающая рвоту только от мысли о том, что придётся это есть. Зёрна были блестящие и упругие, их почти невозможно было приготовить. Эту банку Перси упустил – а она иногда, несмотря на всю свою непривлекательность, спасала ему жизнь.

Ещё были тубики, и в них обычно было молоко – от него потом обычно сводило живот, и Перси, скрючившись, валялся на полу пару дней, пока не отпускало. Иногда там попадалась соль, но это было очень редко, и Перси подозревал, что её просто однажды туда случайно подсыпали, вот и всё; но всё равно каждый раз он надеялся, что там будет она.

Перси скрестил пальцы – мама говорила, так люди делают, когда надеются на что-то – и открыл колпачок тубика. Молоко.

Пока Перси включал плиту и пытался придумать, что можно сделать из того, что он сегодня стащил, мама мирно качалась в кресле и что-то напевала себе под нос. Наверное, если бы кто-то сейчас прошёл мимо без всяких намерений украсть у них еду, а так, просто потому, что шёл по своим делам, подумал бы, что это самая мирная на свете картина и всё в этой семье хорошо.

“А ведь когда-то так и было”, – подумал Перси. Он набрал пару комбинаций – и на плите взвился вверх чуть заметный, поблескивающий синим силуэт наподобие миски с длинной ручкой: Перси бросил туда небольшой кусочек мяса. “Забавно, – вдруг пришло ему в голову. – Здесь есть роботы, плиты, способные создавать голограммы, которые можно потрогать – это же так называется, верно? – но мы дерёмся за еду, а всё, что в итоге можем украсть – это какие-то чёрствые куски, которые нужно растягивать на месяц”.

Двести с половиной лет назад всё было совсем по-другому, если верить книжкам, которые остались у мамы: Земля, как казалось сейчас Перси, процветала. Но ресурсы истощились, пашни превратились в пустыни, реки и моря – в мусорку. Температура поднялась на несколько градусов, и растаяли ледники: тогда многие прибрежные города затопило, а несколько и вовсе исчезло. Участились кислотные дожди, цунами и другие стихийные бедствия, и всё это привело к тому, что пятьдесят девять лет назад группа учёных, входящих в правительство, построила огромную космическую станцию – Целлу – и отправилась на орбиту. И тогда всё изменилось.

Появились роботы-полицейские, которым разрешили нападать на людей – и тогда спрятавшееся на орбитальной станции правительство отсекло любую возможность бунтов.

Теперь целльцы ели синтетическую, наполненную всеми витаминами и необходимыми веществами еду – а земляне, умирая от голода, дрались за остатки консервантов.

– И почему роботы не могут передвигаться потише? – прошипел Марко, подныривая под бельё, растянутое через весь переулок. Людей вокруг не было, все попрятались по домам после того, как банда громилы наткнулась на робота: конечно, так им и надо, но несколько жителей

тоже пострадало, и теперь все боялись и нос высунуть, чтобы случайно не быть записанными в “нарушители общественного порядка”.

Марко поразился виду этого городка: стены здесь были грязные, все в пятнах и разводах, всё везде крошилось, отваливалось, где-то он даже чуть не упал на кучу строительного мусора. Он даже не подозревал раньше, что люди могут действительно жить в чём-то, что может развалиться от любого, казалось бы, толчка.

Но что действительно его поразило, так это то, что люди дрались за еду. Он, конечно, про всякое читал, и не такое бывало, но всё это казалось ему каким-то преувеличением, будто историки решили немного сгустить краски, чтобы запугать потомков. Но это... За Марко действительно погналась целая толпа просто потому, что он украл банку с... С чем, кстати?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.